

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В ПОИСКАХ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЗНАНИЯ

Н. В. РАЗУБАЕВ*

Разубаев Николай Викторович,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры
гражданского и трудового права
Северо-Западного института
управления Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы

В статье рассматриваются предпосылки переживаемого современной теорией права кризиса, а также намечаются возможные пути его преодоления. По мнению автора, основной причиной данного кризиса является смена парадигмы познания, затронувшая в той или иной степени все науки, в том числе юридические. В работе показано, что история западной научной мысли характеризуется последовательной сменой трех парадигм: доклассической, сложившейся еще в античную эпоху; классической, сформировавшейся в XVII–XVIII вв.; и постклассической, переход к которой начался в XX в. Помимо всего прочего, эти парадигмы различались представлением о законах, познание которых является основной целью научной деятельности. В рамках доклассической парадигмы закон рассматривался как правило, подлежащее практическому применению. Классическая наука видела в законах универсальную причинно-следственную связь событий и явлений, объективно присущую самой реальности. Наконец, постклассическая наука, исходящая из пред-

ставления о сконструированном характере реальности, видит в законах инструмент организации данных опыта, используемый в целях конструирования реальности (природной и социальной). Теория права, сложившаяся как наука раньше других (еще в Средние века), до сих пор находится под сильным влиянием доклассических представлений о научности. Вместе с тем в XIX–XX вв. сформировались основные типы современного понимания права, основанные на классической парадигме. Переход естественных и части социогуманитарных наук к неклассической картине мира не отразился на теории права, что обусловило ее отставание от других наук и, в конечном счете, кризис. По мнению автора, наиболее разработанной и глубокой версией неклассического правового понимания является коммуникативная теория права А. В. Полякова, основные положения которой анализируются в работе.

* Razuvaev Nickolay Victorovich — candidate of legal sciences, professor of the Department of Civil and Labour Law, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: Nrasuvaev@yandex.ru

© Разубаев Н. В., 2014

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парадигма, законы, классическая наука, объективизм, детерминизм, типы правопонимания, постклассическая парадигма, интересубъективность, конструирование реальности, коммуникация, коммуникативная теория права.

RAZUVAEV N. V. THE MODERN THEORY OF LAW IN SEARCH OF POST-CLASSICAL PARADIGM OF KNOWLEDGE

This article discusses the prerequisites of the crisis experienced by the modern legal theory, as well as possible ways to overcome it. According to the author, the main cause of the crisis is the change in the paradigm of knowledge which more or less affected all sciences, including legal sciences. The article shows that the history of the Western scientific thought is characterized by a succession of three paradigms: a pre-classical one established in the ancient times; a classical one formed in the 17th–18th centuries; and a post-classical one transition to which began in the 20th century. Among other things, these paradigms differ in their ideas about laws knowledge of which is the main purpose of the scientific activity. The pre-classical paradigm viewed the law as a rule subject to practical application. The classical science considered laws as the universal cause-and-effect relations between events and phenomena inherent in objective reality itself. Finally, the post-classical science, based on the notion of the constructed nature of reality, considers the laws as an instrument of experience data management used for the purposes of constructing the reality (natural and social ones). The theory of law that has been developed as a science before the others (in the Middle Ages) is still strongly influenced by pre-classical ideas about the scientific character. On the other hand, the main types of modern understanding of law based on the classical paradigm were formed in the 19th–20th centuries. The transition of natural sciences and partially of social sciences and the humanities to the non-classical picture of the world did not impact the theory of law, thus determining its delay in comparison with the other sciences and, ultimately, the crisis. According to the author, the most developed and the deepest version of non-classical law-understanding is a communicative theory of law by A. V. Polyakov the main provisions of which are analyzed in the paper.

KEYWORDS: paradigm, scientific laws, classical science, objectivism, determinism, types of law-understanding, post-classical paradigm, intersubjectivity, construction of reality, communication, communicative theory of law.

...непрерывный рост является существенным для рационального и эмпирического характера научного знания, и если наука перестает расти, она теряет этот характер. Именно способ роста делает науку рациональной и эмпирической.

К. Поппер¹

Для юридических наук, в особенности для теории права, исключительную важность с самого начала имела проблема определения четких критериев научности познания.² Решение указанной проблемы позволило бы дать, наконец, ответ на вопрос о том, является ли теория права наукой

---

¹ Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М., 1983. С. 325.

² О научности правового познания и ее критериях см., в частности: *Стандарты научности и homo juridicus* в свете философии права. Мат-лы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М., 2011.

со своими предметом, методологией и дисциплинарным статусом или же она в лучшем случае может рассматриваться в качестве специализированного раздела более общей научной теории (например, социологической),³ в худшем же представляет собой совокупность псевдопроблем и подлежит вытеснению, с одной стороны, философией и социологией права, а с другой — отраслевыми юридическими дисциплинами.⁴

Отсутствие исчерпывающего ответа на поставленный вопрос грозит со временем превратить теорию права в некое подобие этики, чья проблематика в настоящее время оказалась разделенной между философией и различными специальными науками (логикой, социологией, психологией и др.), занимая в них периферийное положение. Более того, постепенно распространяющееся убеждение в том, что этический дискурс принципиально сверхрационален или даже внерационален,⁵ приводит к отказу многих ученых обсуждать критерии научности этики. В свете подобных умозаключений представляется весьма симптоматичной позиция С. С. Хоружего, видящего перспективу построения неклассической этики в возрождении постулатов византийского исихазма, имевшего внедоктринальную основу, напрямую связанную с тем мистическим опытом, который предопределял сущность данного учения.⁶ Незачем и говорить, что такая установка полностью исключает любую рациональную рефлексию по поводу морали, а это не только не способствует преодолению постигнутого этику кризиса, но и, напротив, усугубляет его.

Приведенный пример видится нам тревожным предостережением для теории права (чью научность, впрочем, пока всерьез никто не оспаривает), в особенности учитывая тесную взаимосвязь предметов этики и юриспруденции, отмечавшуюся некоторыми мыслителями.⁷ Нетрудно также заметить, что, как и в случае с этикой, кризисное состояние современной правовой науки подготовлено самой ее историей. И хотя далее речь пойдет лишь о западной юриспруденции, это вовсе не означает, что мы считаем правильными ставшие в последние годы расхожими утверждения, согласно которым философская и научная мысль имеет некую «цивилизационную» специфику, в силу которой философия и наука на Западе якобы качественно отличаются от восточных.⁸ На наш взгляд, наука, при всем своеобразии проблем, стоящих перед учеными в различных обществах и в разные исторические эпохи, тем не менее, проходит в своем развитии одни и те же этапы, образующие единый для всего человечества

³ Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 41.

⁴ Сравнительно недавно с такой мыслью выступил И. Ю. Козлихин: *Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву* // Козлихин И. Ю. Избранные труды. М., 2008. С. 348.

⁵ Наиболее известным выражением этого убеждения стала знаменитая максима Л. Витгенштейна: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» (*Витгенштейн Л. Логико-философский трактат*. М., 2010. С. 149).

⁶ Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // *Этика науки* / отв. ред. В. Н. Игнатъев. М., 2007. С. 85–97.

⁷ *Cohen H. System der Philosophie*. Bd. II. *Ethik des reinen Willens*. Berlin, 1904. S. 62–63.

⁸ См. об этом, напр.: *Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры* // *Универсалии восточных культур* / отв. ред. М. Т. Степанянц. М., 2001. С. 14–41; *Петрунин Ю. Ю. Почему идея вечного двигателя не существовала на Востоке* // *Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и восточной культуре*. М., 2006. С. 75–82; *Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики...* С. 89–90; и др.

эпистемологический процесс,⁹ сопоставимый, в частности, с мировым литературным процессом, достаточно всесторонне изученным в трудах ряда отечественных авторов (прежде всего Н. И. Конрада).¹⁰

Сказанное в полной мере касается и правового познания, юридической науки. Мы исходим из того, что каждый этап эволюции правового познания характеризуется господством той или иной системной установки, задающей критерии и идеалы научности, а также определяющей круг решаемых проблем. Такие системные установки на примере классического естествознания XVII–XVIII вв. в общих чертах были рассмотрены Т. Куном, давшим им название научных *парадигм*. Известно, что теория парадигм, разработанная Куном, по мнению ряда авторов, отличается крайней нечеткостью¹¹ и вызывает ряд критических замечаний, направленных на ее уточнение или опровержение.¹² Однако поскольку конкретизация данного понятия не входит в задачи настоящей статьи, мы будем считать релевантным исходное куновское определение, в соответствии с которым парадигмы суть «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений».¹³

*
* *

Хотя теория парадигм не принимает во внимание эволюцию гуманитарного знания, существуют достаточные основания полагать, что в истории гуманитарных наук также можно констатировать смену парадигм, аналогичную той, что имела место в истории естествознания. В этом смысле правовая наука не составляет исключения: ее историю также можно представить в виде динамики парадигм, последовательно сменяющих друг друга. Причем до определенного момента парадигма правового познания в целом была тождественной парадигмам, существовавшим в других науках. Так, в период своего становления в Древнем Риме юриспруденция мыслилась как наука нормативная, к тому же имеющая чисто прикладную

---

⁹ Весьма интересной и многообещающей (хотя и далеко не бесспорной) попыткой описания этого процесса является эволюционная эпистемология К. Поппера: *Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход* // Поппер К. *Логика и рост научного знания*. С. 439 и сл.

¹⁰ См., в частности: *Конрад Н. И.* К вопросу о литературных связях // *Известия АН СССР. Отдел литературы и языка*. М., 1957. Т. XVI. Вып. 4. С. 301–310; *Благой Д. Д., Самарин Р. М., Конрад Н. И., Лаврецкий И. М., Лихачев Д. С., Фетисов М. И., Фохт У. Р., Чичеров В. И.* Закономерности развития художественной литературы (материалы к изучению проблемы) // *Известия АН СССР. Отдел литературы и языка*. М., 1957. Т. XVI. Вып. 6. С. 493–508; *Виппер Ю. Б.* Вступительные замечания // *История всемирной литературы*. В 8 т. Т. 1. / отв. ред. И. С. Брагинский. М., 1983. С. 5.

¹¹ *Полетаев А. В.* Классика в общественных науках // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании* / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2009. С. 31. — Представляется, однако, что куновский термин вызывает в своей интерпретации все же меньшие теоретические затруднения, чем альтернативная ему категория «эпистемы», предложенная Мишелем Фуко (*Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1979).

¹² См., напр.: *Masterman M.* The Nature of Paradigm // *Criticism and the Growth of Knowledge* / eds. I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970. P. 59–89; *Toulmin S.* Human Understanding. Oxford, 1972; *Поппер К.* Логика научного исследования // Поппер К. *Логика и рост научного знания*. С. 49–57.

¹³ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

направленность, чьей главной целью являлось не выявление общих закономерностей, присущих правовой реальности, а описание и каталогизация конкретных случаев (казусов) и выработка на их основе предписаний, как в таких ситуациях надлежит поступать.¹⁴

Рекомендации римских юристов, как правило, формулировались на случай судебного разбирательства и были адресованы не столько участникам регулируемых отношений, сколько судье, выступающему арбитром в споре.¹⁵ Результатом подобной сугубо прикладной направленности римской юриспруденции стало подчеркнутое недоверие ее представителей к любым общим положениям и выводам как в праве, так и, соответственно, в науке о нем. Недаром высказывание Яволена гласило: «В гражданском праве всякое общее положение опасно, ведь недостаточно того, чтобы оно не могло быть опровергнуто».¹⁶ Таким образом, бесспорными являются как прескриптивность, так и практическая ориентированность правовой науки на раннем этапе ее развития, позволявшие юридической доктрине во многих обществах становиться не просто учением о праве, но самим правом как таковым.¹⁷

Сходными чертами характеризовались и другие науки древности, в том числе те, которые в настоящее время рассматриваются в качестве эталона научности, подобно математике и лингвистике. Так, математика в Древней Греции в значительной степени была ориентирована на практические потребности, в том числе возникавшие в процессе обучения. Несмотря на высокую степень сложности решаемых античными математиками задач и применявшийся ими дедуктивный метод, математика, включая теорию чисел, имела сугубо наглядный характер: все арифметические и алгебраические понятия передавались через геометрические фигуры и операции с ними.¹⁸ Вот почему древним грекам были чужды абстрактные построения, столь богато представленные в трудах современных ученых.

Даже дедуктивный аксиоматический метод, использовавшийся в трудах античных математиков, демонстрирует наглядное сходство с тем методом, который лежал в основе римской юриспруденции. Это сходство можно обнаружить, обратившись к «Началам» Евклида (III в. до н. э.), где изложение материала имеет структуру, весьма напоминающую структуру римских юридических трактатов. Здесь сначала приведены чисто технические дефиниции используемых далее понятий (таких как точка, прямая,

¹⁴ Dawson J. P. The Oracles of Law. Ann Arbor (Mich.), 1968. P. 114–115.

¹⁵ Stein P. *Regulae Iuris: From Iuristic Rules to Legal Maxims*. Edinburgh, 1966. P. 37 ff.

¹⁶ lav. 11 ep., D. 50.17.20 («*Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset*»). — В этом фрагменте впервые и, что характерно, именно на правовом материале ставится проблема противоречия между истинностью и непроверяемостью формулируемых суждений, впоследствии эксплицированная в виде парадокса, известного, как «Чайник Рассела» (*Russel B. Is There a God? // The Collected Papers of Bertrand Russel*. Vol. 11. Last Philosophical Testament, 1943–1968. London; New York, 1997. P. 543–548).

¹⁷ О месте, занимаемом доктриной в различных правовых системах и в правотворческой деятельности юристов, см.: Ghoshal U. N. *A History of Indian Political Ideas*. Oxford, 1959. P. 207; Varma V. P. *Studies in Hindu Political Thought and its Metaphysical Foundation*. Delhi, 1974. P. 334–335; Anderson N. *Laws Reform in the Muslim World*. London, 1976. P. 7 ff; England I. *Law and Religion in Israel // The American Journal of Comparative Law*. 1987. N 1. P. 206–207; Melchert Ch. *The Formation of the Sunni Schools of Law 9th–10th Centuries C. E.* Leiden, 1997.

¹⁸ Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М., 1959. С. 165–166.

угол, окружность и т. п.), затем вводится ряд постулатов и аксиом, даваемых без доказательства как интуитивно самоочевидные, и, наконец, формулируются так называемые предложения. Причем обращает на себя внимание то, что среди евклидовых «предложений» присутствуют как теоремы в строгом смысле слова, так и задачи на построение.¹⁹ Подобный подход наводит на мысль о том, что «Начала» представляли собой не столько научное исследование, сколько свод практических правил, руководствуясь которыми читатель мог научиться выполнять операции с геометрическими фигурами. Иными словами, они выполняли ту же прескриптивную функцию, какую в наши дни выполняют различного рода учебники и справочники, что, в свою очередь, предполагает дидактическое предназначение «Начал».²⁰

Аналогичные прикладные и дидактические цели преследовала и античная лингвистика, которую интересовали не языковые явления как таковые, а их фиксация в литературных памятниках. В частности, античный грамматик Тираннион (II–I вв. до н. э.) выделяет следующие виды филологических штудий: «чтение, толкование текстов, исправление, оценку»,²¹ откуда напрашивается прямая параллель с *cavere, agere, respondere* римских юристов республиканской эпохи.²² Кроме того, важным направлением деятельности античных грамматиков являлось нормирование устной и письменной речи.²³ В этом своем аспекте грамматика рассматривалась уже не как наука, а как искусство (*τέχνη*), позволяющее овладеть правильной речью.²⁴ Представляется, что именно на разрешение этой сугубо прикладной задачи была направлен спор между «аналогистами» и «аномалистами», считающийся одной из первых языковедческих научных дискуссий. Иными словами, языкознание в античную эпоху было такой же нормативной наукой, как и математика или юриспруденция.

Сформировавшаяся в античный период парадигма научного знания (назовем ее *доклассической*) сохраняет свое значение и в Средние века, причем на развитие средневековой правовой доктрины определяющее влияние оказывали две тенденции. С одной стороны, широко применяя методы античных философов (прежде всего Аристотеля) и западно-

¹⁹ *Начала* Евклида. Книги I–VI / пер. с греч. и коммент. Д. Д. Мордухай-Болтовского. М., 1948.

²⁰ Не случайно Б. Л. Ван дер Варден называет Евклида «величайшим школьным учителем, которого только знает история математики» (*Ван дер Варден Б. Л. Пробуждающаяся наука*. С. 268). Заметим, что еще более отчетливо эта прескриптивная функция проявилась в позднеантичную эпоху в таких философско-математических трактатах, как «Введение в арифметику» Никомаха Герасского (*Никомах Герасский. Введение в арифметику*. Новосибирск, 2006) или «Теологумены арифметики» неоплатоника Ямвлиха (*Теологумены арифметики* / пер. В. В. Библихина, А. И. Щетникова. Новосибирск, 2007).

²¹ Фрейберг Л. А. Литературная критика в эпоху александрийской образованности // *Древнегреческая литературная критика* / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 191.

²² *Дождев Д. В.* Римское частное право. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 112. — См. также: *Cancello F.* Per una revisione del «cavere» dei giureconsulti repubblicani // *Studi E. Volterra*. Vol. 5. Milano, 1971. P. 611–645.

²³ См. об этом, в частности: *Мажуга В. И.* Диомед и Харизий о лексической норме // *Colloquia classica et indo-europeica II*. Классическая филология и индоевропейское языкознание / под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2000. С. 74–85.

²⁴ Таковы определения грамматики, принадлежавшие Дионисию Фракийскому, Асклеиаду, Деметрию Хлору и ряду других авторов (*Античные теории языка и стиля* (антология текстов) / общ. ред. О. М. Фрейденберг. СПб., 1996. С. 111–112).

европейских схоластов,²⁵ юристы оказались в состоянии перейти от описания конкретных казусов к созданию общих теорий,²⁶ и в этом смысле средневековая юриспруденция гораздо больше, чем юриспруденция Древнего Рима, удовлетворяет современным критериям и идеалам научного знания.²⁷ С другой стороны, именно для средневековой правовой науки приобретают особое значение в качестве предмета исследования принципы должностования, что, в конечном счете, повлекло за собой последующую догматизацию юриспруденции, в том числе теории права, рассматривавшейся в качестве «науки о должном».²⁸ Не случайно один из крупнейших средневековых английских юристов Г. Брактон в своем «Трактате о законах и обычаях Англии» вслед за Ульпианом определяет науку о праве как «знание о справедливом и несправедливом».²⁹ В итоге нормативный характер средневековых правовых теорий получает еще более яркое выражение по сравнению с античностью. В числе прочего этому способствовало стремление средневековых правоведов, таких как Р. Луллий, считающийся основоположником теории права, дедуктивно вывести все многообразие правовых явлений из ограниченного набора общих принципов *ius naturale*, согласовав с ним право позитивное.³⁰

Представляется, что именно в этом кроется главная причина разнонаправленности векторов дальнейшего развития юриспруденции, в частности теории права, с одной стороны, и иных наук (прежде всего естественных, но и ряда социогуманитарных) — с другой. В самом деле, формирование теории права как науки происходит в Средние века, т. е. в период безраздельного господства доклассической парадигмы со всеми ее особенностями, рассмотренными выше. Причем важнейшей из этих особенностей, как было показано, является *нормативный характер* научного познания, главная цель которого виделась не в изучении феноменов реальности, а в нахождении высших принципов, которым эта реальность должна соответствовать, и в дедуктивном выведении из них правил, предназначенных для практического применения.³¹

Такие представления о научности «предопределяли взгляд ученого на интересовавшие его объекты как на тексты, запечатлевшие то или иное слово бога, имевшие священный подтекст. Этим объясняется

²⁵ Об античной философии и схоластическом богословии как двух источниках средневековой юриспруденции см.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 146 и сл.

²⁶ Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. 5; История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 55; Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 547.

²⁷ Как утверждает Г. Дж. Берман, именно средневековые юристы создали правовую науку в современном смысле этого слова (Берман Г. Дж. Западная традиция права. С. 153).

²⁸ Михайлов А. М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2012. С. 16; Царьков И. И. О правовых принципах средневековой юриспруденции // Правоведение. 2003. № 2. С. 198.

²⁹ Bracton H. On the Laws and Customs of England. Cambridge (Mass.), 1968. Vol. 2. P. 19.

³⁰ Стоянов А. Методы разработки положительного права... С. 10–11.

³¹ Рабинович В. Л. Ученый человек в средневековой культуре // Наука и культура / отв. ред. В. Ж. Келле. М., 1984. С. 233.

основной метод работы средневекового интеллектуала: комментирование и интерпретация текстов, прояснение зашифрованного в них сакрального смысла». ³² Легко заметить, что в юридических науках, в том числе и в теории права, подобный подход *mutatis mutandis* сохраняется до наших дней. Как и их средневековые предшественники, современные юристы стремятся усмотреть в явлениях правовой реальности внеположенные им высшие смыслы (такие как «воля законодателя», «общие нормы», «этнокультурные ценности» и т. п.). Иными словами, основная задача теоретико-правовой рефлексии видится в «дешифровке» этой реальности, что позволяет связать современную теорию права с доклассической научной парадигмой, зародившейся в античности и получившей свое окончательное оформление в Средние века.

*
* *

Между тем уже в XVII в. научное знание перестраивается на качественно новых началах, в результате чего формируется *классическая парадигма*, как известно, наиболее полно реализованная в естествознании, в силу чего именно естественные науки (прежде всего физика) становятся в рамках данной парадигмы образцовыми. При этом разительное отличие классической науки от доклассической состояло в принципиально новом понимании законов, открытие которых считалось основной целью познания. Иными словами, если в доклассической парадигме закон мыслился как предписание, подлежащее практическому применению, то в рамках парадигмы классической он представлял собой констатацию причинно-следственных связей, имеющих объективный и всеобщий характер. ³³

Отсюда проистекали присущие классической парадигме *объективизм* и *детерминизм*, наиболее ярко и законченно сформулированные П. С. Лапласом, предположившим, что, если бы существовало такое всеведущее существо («демон»), которое знало бы все события, когда-либо происходившие во Вселенной, и закономерные связи между ними, оно на этом основании могло бы предсказывать любые события в будущем. ³⁴ Отныне основной целью познания становится не установление тех или иных правил, но описание причинно-следственных связей между событиями. ³⁵ Отсюда, в свою очередь, следовало представление о том, что любые природные процессы имеют непрерывный характер, в них нет места каким-либо скачкам, равно как и изменениям, не обусловленным предшествующими состояниями системы. При этом для всех изменений, в конечном счете, существуют внешние пределы, задаваемые пространственно-временными характеристиками самой Вселенной. Так, еще И. Ньютоном

³² История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. С. 63.

³³ Пуанкаре А. О науке. 2-е изд., стереотип. М., 1990. С. 302–303.

³⁴ Laplace P. S. A Philosophical Essay on Probabilities. 6th ed. New York, 1951. P. 4.

³⁵ См. подробнее об этом: Поллер К. Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона. М., 1992. С. 64–65. — Тем не менее математика, где в отличие от физики влияние доклассической парадигмы сохранялось вплоть до XIX столетия, долгое время развивалась в том направлении, которое было предначертано в трудах Евклида и других античных авторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «Всеобщей арифметике» И. Ньютона, где изложение носит чисто прескриптивный характер и имеет своей главной целью установление правил выполнения математических действий (*Ньютон И. Всеобщая арифметика, или Книга об арифметических синтезе и анализе. М., 1948*).

постулировалась абсолютность пространства и времени, делавшая Вселенную бесконечной и неподвижной.³⁶

Таким образом, Вселенная в классической (ньютоновской) физике мыслилась как объективная реальность, подчиняющаяся действию имманентно присущих ей универсальных законов, которые — в силу своего рационального характера — могут быть со всей достоверностью восприняты познающим субъектом.³⁷ И хотя идея развития, *эволюции* по указанной выше причине первоначально не была присуща классической науке, она появляется с переносом физико-космологических моделей на объекты живой природы и человеческие социумы, которые (в отличие от Вселенной с ее абсолютными пространственно-временными характеристиками) могут рассматриваться в качестве систем, проявляющих динамику как в пространстве, так и во времени. Это происходит уже в XIX в., когда почти одновременно появляются две классические эволюционные теории: социальный эволюционизм Г. Спенсера³⁸ и учение о биологической эволюции Ч. Дарвина.³⁹

Не приходится сомневаться в том, что социальный и биологический эволюционизм были тесно связаны между собой в сознании как авторов, так и их современников.⁴⁰ Вообще биология, достижения которой к тому времени сделались весьма впечатляющими, оказала на молодые социальные науки влияние значительно большее, чем физика. Не случайно Э. Дюркгейм выделял в структуре данной дисциплины три раздела: социальную морфологию, социальную физиологию и общую социологию, ставя им в соответствие анатомию, физиологию живых организмов и общую биологию.⁴¹ Тем не менее, в конечном счете, подобно наукам о природе, науки об обществе опирались на ту же ньютоновскую картину мира, которая применительно к последним приобретает законченный вид в теориях классического эволюционизма, а также в частично примыкающем к ним историческом материализме К. Маркса.

Основным постулатом классической парадигмы в общественных науках явилось предположение об обществе как особого рода объективной реальности, не зависящей от сознания и воли отдельных, единичных индивидов, являющихся членами этого общества. Как и в природе, в обществе действуют объективные и непреложные законы, определяющие его развитие, именно эти законы выступают предметом научного познания. Как пишет по этому поводу Ю. Н. Давыдов, «социально лишь то, что коллективно, и, следовательно, только с ним должна иметь дело социология... Не индивид, а коллектив (самые разнообразные коллективы), не

³⁶ *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М., 1989. С. 30.

³⁷ См. подробнее: *Гутнер Г. Б.* Субъект постнеклассической науки // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009. С. 399–400.

³⁸ *Spenser H.* On Social Evolution. Chicago, 1971.

³⁹ *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Л., 1991.

⁴⁰ *Князева Е. Н.* Чарльз Дарвин как предшественник современных эволюционно-эпистемологических представлений // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред. О. Е. Баксанский, И. К. Лисеев. М., 2011. С. 342. — Правда, Г. Спенсер, проявлявший значительный интерес к теории и философии биологии, дарвиновскую концепцию не воспринял, поскольку являлся последователем Ламарка (*История теоретической социологии.* В 4 т. / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. Т. 1. М., 2002. С. 272).

⁴¹ *Дюркгейм Э.* Социология и социальные науки // Метод в науке / сост. и пер. И. К. Брусиловского, П. С. Юшкевича. СПб., 1911. С. 239 и сл.

индивидуальность, а коллективность (и многообразные ее воплощения), не индивидуально-особенное, а коллективно-всеобщее — вот особый предмет социологии». ⁴² Социальная эволюция представляет собой однолинейное поступательное развитие, разделенное на ряд стадий, закономерно вытекающих одна из другой, так что в конечном счете, зная законы исторического развития, можно не только описать эти стадии в диахронной ретроспективе, но и предсказать пути эволюции в будущем. ⁴³

Естественно, что классическая парадигма, получившая столь широкое распространение в общественных науках, не могла не реализоваться и в юриспруденции, включая теорию права. Однако выявление характерных черт классической теории права сталкивается с целым рядом серьезных трудностей уже хотя бы потому, что, как было отмечено ранее, для теории права до сих пор сохраняют существенное значение доклассические идеалы и критерии научности. В результате юристу-теоретику приходится иметь дело с целым рядом пережиточных, реликтовых догм, существенно затрудняющих процесс правового познания. К числу таких пережитков, на наш взгляд, относится и широко распространенное убеждение в том, что задача юриспруденции как «науки о должном» состоит по преимуществу в изучении норм позитивного права и, по-видимому, воплощенной в них «воли законодателя». ⁴⁴ Очевидно, что в подобном случае все прочие изыскания имеют смысл лишь постольку, поскольку они способствуют наилучшему пониманию действующего законодательства и максимально адекватной экспликации его содержания.

Ситуацию дополнительно усложняет предельная неопределенность самого термина «классический», предполагающего самые разнообразные толкования. Так, во многих науковедческих работах данный термин используется в значении «образцовый, оказывающий значительное и непреходящее влияние на современную научную мысль и учебную практику». ⁴⁵ Такая интерпретация классической научности представляется нам достаточно упрощенной, даже если речь идет о естествознании (прежде всего физике). Еще более проблематичной она оказывается в общественных науках, в частности в социологии, основной пафос развития которой состоит скорее в преодолении классических концепций, чем в их углублении и развитии. ⁴⁶

⁴² *История теоретической социологии*. От Платона до Канта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе) / отв. ред. Ю. Н. Давыдов. М., 1995. С. 13.

⁴³ См. подробнее: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 144–147.

⁴⁴ *Белов В. А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // *Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики* / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 130.

⁴⁵ *Полетаев А. В.* Классика в общественных науках. С. 13 и сл. — При этом в весьма интересном и содержательном сборнике, где была опубликована данная статья, всесторонне исследуется феномен классики практически во всех социальных и гуманитарных науках за исключением юриспруденции. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что юридической классики, по мнению авторов, видимо, вообще не существует. О классической науке см. также: *Мертон Р. К.* Об истории и систематике социологической теории // *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 19–63; *Stinchcombe A. L.* Should Sociologists Forget Their Mothers and Fathers // *The American Sociologist*. 1982. Vol. 17. N 1. P. 2–11; *Alexander J. C.* The Centrality of the Classics // *Social Theory Today* / eds. A. Giddens, K. Turner. Cambridge, 1987. P. 11–57; *Kerkhove D. de.* What Makes the Classics Classic in Science // *Bulletin of the American Society for Information Science*. 1992. N 18. P. 13–14; *Baehr P.* Founders, Classics, Canons: Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage. New Brunswick; London, 2002.

⁴⁶ *История теоретической социологии*. От Платона до Канта. С. 15–21.

Не случайно в контексте современных представлений об исторической динамике общества классический эволюционизм все чаще воспринимается в качестве псевдонаучной теории.⁴⁷

Однако даже если рассматривать теоретико-правовую классику в указанном выше смысле, окажется, что здесь практически не существует трудов, по своему влиянию и значимости для дальнейшего развития науки сопоставимых с «Обращением небесных сфер» Н. Коперника, «Математическими началами натуральной философии» И. Ньютона, «Исследованием о причинах и природе богатства народов» А. Смита, «Происхождением видов» Ч. Дарвина или «Протестантской этикой» М. Вебера.⁴⁸ Иными словами, у теоретиков права возникают серьезные затруднения в выделении круга авторов, чьи идеи могли бы послужить эталоном классической парадигмы в юриспруденции, отталкиваясь от которого можно было бы прийти к новой — неклассической — теории. В поисках таких авторов мы вновь возвращаемся к римским юристам, сформулировавшим целый ряд формул, вошедших в «золотой фонд» правового образования, науки и практики.

Таким образом, в теории права складывается достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, как уже было сказано, возникает насущная потребность в формировании новой, постклассической научной парадигмы, способной преодолеть тот кризис, который сейчас переживает юридическая наука вообще, а теория права в особенности. С другой стороны, для того чтобы к ней прийти, необходимо четко сформулировать основные положения классической теоретико-правовой доктрины, выявив ее важнейшие недостатки и противоречия. Между тем сделать это оказывается не так просто хотя бы потому, что в теории права отсутствуют даже самые базовые постулаты, которые разделялись бы всеми без исключения учеными; вместо этого приходится констатировать сосуществование целого ряда альтернативных правопониманий, резко расходящихся между собой практически по всем вопросам.⁴⁹

Указанное обстоятельство справедливо отмечает А. В. Поляков, по мнению которого важнейшая проблема, стоящая перед современной теорией права, состоит в отсутствии единого интегрального правопонимания. Данная проблема, пишет А. В. Поляков, «возникла как ответ на вызов своей эпохи. Этим “осевым временем” для теории права оказался конец эпохи классической науки с ее культом объективного и рационального научного знания. Именно эта эпоха породила... юснатурализм и юспозитивизм, [которые] исходили из объективной разумности своего собственного подхода, опирались на культ рациональности. Конец XIX века и начало века XX прошли под знаком противостояния идеализма и реализма, в их борьбе и взаимном противостоянии».⁵⁰

⁴⁷ *Ruse M. Evolution // Pigliucci M., Boudry M. Philosophy of Pseudoscience: Reconsidering the Demarcation Problem. Chicago, 2013. P. 239–243.*

⁴⁸ Аналогичная ситуация, на наш взгляд, сложилась и в современном языкознании, теоретико-методологический фундамент которого составляет целый ряд работ (В. Гумбольдта, Г. Пауля, Ф. Соссюра, Л. Блумфильда, О. Есперсена, Н. Хомского и др.), ни одна из которых не является «классической» в строгом смысле (*Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 29 и сл.*).

⁴⁹ О типах современного правопонимания см., в частности: *Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 4–16; Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. СПб., 2006. С. 117–181.*

⁵⁰ *Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. С. 10.*

Соглашаясь с выводами автора о необходимости интегрального правового познания, без чего формирование постклассической парадигмы правового познания, на наш взгляд, является невозможным, позволим себе сделать все же несколько уточняющих замечаний, способных в общих чертах выявить суть классической теории права. Прежде всего, «классичность» юридического позитивизма и юснатурализма кажутся нам несколько преувеличенными уже хотя бы потому, что обе эти доктрины восходят к теориям, сформировавшимся еще в рамках доклассической парадигмы. Так, ранние версии позитивизма в своем понимании права руководствовались теми же теоретико-методологическими установками, что и средневековые глоссаторы, в то время как представители юснатурализма второй половины XVIII и начала XIX вв. следовали по стопам постглоссаторов.⁵¹

Вместе с тем нормативизм, в особенности «чистое учение о праве» Г. Кельзена,⁵² а также концепцию «естественного права с исторически меняющимся содержанием»⁵³ уже с достаточным на то основанием можно считать проявлениями классической парадигмы правового познания, представляющими для нас интерес. Кроме того, классические теории права, на наш взгляд, не ограничиваются различными версиями юсспозитивизма и юснатурализма. Приверженностью классической картине мира характеризовались социологические теории права XIX в. (Р. Йеринг, Л. Дюги, Е. Эрлих),⁵⁴ учения П. И. Стучки и Е. Б. Пашуканиса,⁵⁵ а также «широкое понимание права», развивавшееся советскими юристами в 1960–80-х гг.⁵⁶ Наконец, даже либертарно-юридическая школа В. С. Нерсесянца, при всей ее оппозиционности существующим типам правового познания, в известной мере также отдала дань классическим идеалам научности.

Тем самым, несмотря на известную расплывчатость очертаний, основные идеи, образующие мировоззренческую основу классической теории права, могут быть эксплицированы достаточно отчетливо. Важнейшей из этих идей, на наш взгляд, является *объективизм*, выступающий своеобразной модификацией объективизма, присущего декартовско-ньютоновскому естествознанию, применительно к социально-правовой реальности.⁵⁷ Ярчайшим его проявлением выступало почти всеобщее

⁵¹ См. подробнее: *Нерсесянц В. С.* Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. С. 189–190.

⁵² *Kelsen H.* 1) Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1925; 2) Reine Rechtslehre. Einleitung in die Rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig; Wien, 1934; 3) Das Naturrecht in der politischen Theorie. Wien, 1963; *Кельзен Г.* Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. // *Российский ежегодник теории права.* № 2. 2009. С. 432–453.

⁵³ См., в частности: *Stammler R.* Die Lehre vom der richtigen Rechte. 2. Aufl. Halle, 1926; *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование. 2-е изд. М., 2010; *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991; *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004.

⁵⁴ Сказанное подтверждается тем, что социологическая юриспруденция XIX в. представляла собой попытку использования опыта классической социологии Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Э. Дюркгейма и др. (*Пракаш С. С.* Юриспруденция. Философия права. М., 1996. С. 178–185). Разновидностью классического правового познания была и теория Л. И. Петражицкого, хотя в последнее время предпринимаются весьма интересные попытки встроить ее в постклассический контекст (*Тимошина Е. В.* Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правового познания. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2013).

⁵⁵ См. подробнее: *Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И.* Абстрактное и конкретное в советском правоведении. С. 21 и сл.

⁵⁶ *Нерсесянц В. С.* Право и закон. С. 351–359.

⁵⁷ *Орехов А. М.* Социальная философия. Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М., 2011. С. 254.

убеждение юристов в том, что право и правовая реальность представляют собой данность, не зависящую от отдельных индивидов, являющихся субъектами этой реальности. Таким образом, право директивно навязывается лицу помимо его воли и действует в той или иной мере принудительно.

Разумеется, этот принудительный аспект предстает особенно наглядно в позитивистских теориях, определяющих право как выражение воли «суверена» (соответственно, государства)⁵⁸ или как совокупность общеобязательных норм.⁵⁹ Более того, для сторонников нормативистской доктрины оказывается вполне логичным привнести элемент обязательности даже в субъективные права. Не случайно современные нормативисты так свято убеждены в том, что всякое субъективное право связано с обязанностью, и при этом весьма скептически относятся к принципу «разрешено все, что не запрещено законом», забывая, однако, что он имеет не моральный или метафизический, а технико-юридический смысл.⁶⁰ Вместе с тем вера в принудительность права в той или иной мере была присуща и другим классическим правопониманиям, в том числе социологическим. Весьма характерным является предложенное Р. Йерингом определение права как совокупности «жизненных условий общества в обширном смысле, обеспечиваемых внешним принуждением».⁶¹ Наконец, даже сторонники модного ныне «духовно-культурологического правопонимания» видят в праве, пусть даже и в качестве «духовного» феномена, независимую от индивида — и, следовательно, *принудительную* для него — данность,⁶² а потому этот подход, на наш взгляд, ничем не отличается от более традиционных версий классической теории права.

Пространство правовой реальности (как одно из измерений социального пространства),⁶³ следовательно, имеет столь же абсолютный характер, как и пространство Вселенной в классической физике. В этом пространстве как его необходимый момент действуют объективные всеобщие законы, причем действуют они безотносительно к субъективному, в том числе познавательному, опыту, задача которого состоит лишь в том, чтобы эти законы уяснить и адекватно сформулировать, дав в качестве предварительного условия общее определение права.⁶⁴ «*Частные наблюдения над правом*, — писал Р. Штаммлер, — зависят от общих понятий права, а не наоборот. Понятие *права*, напротив того, совершенно независимо от того или иного *специального приложения его* в сфере конкретного опыта (курсив Р. Штаммлера. — *Н. Р.*)».⁶⁵ Подчиняясь действию этих законов, право организуется, функционирует и развивается,⁶⁶ являясь, таким образом,

⁵⁸ Austin J. *The Province of Law*. London, 1965. P. 139 ff.

⁵⁹ *Чистое учение о праве* Ганса Кельзена. Вып. 1. М., 1987. С. 52.

⁶⁰ Матузов Н. И. О принципе «все, не запрещенное законом, дозволено» // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 3–9.

⁶¹ Йеринг Р. *Цель в праве*. Т. 1. СПб., 1881. С. 371.

⁶² Байниязов Р. С. Духовно-культурологический подход к правосознанию и праву // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 2–6; Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010; и др.

⁶³ О социальном пространстве см.: Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 49–63.

⁶⁴ Алексеев С. С. *Общая теория права*. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 15.

⁶⁵ Штаммлер Р. *Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории*. С. 12.

⁶⁶ Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. С. 15–23.

особой аутопойетической, саморегулирующейся и саморазвивающейся системой, своего рода «живым» организмом.⁶⁷

*
* *

Подобные представления, вполне, как мы видели, соответствующие классическим моделям и образцам XVII–XIX вв., оказались неприемлемыми в наши дни, когда не только в физике, но и в ряде социально-гуманитарных наук состоялся переход от классической парадигмы познания к парадигме *постклассической*. Причем, как и три столетия назад, впереди оказалось естествознание, пережившее научную революцию с созданием теории относительности А. Эйнштейна, вследствие чего возникшую парадигму нередко называют «эйнштейновской».⁶⁸ Думается, это не вполне верно, ибо теория относительности, представляющая собой развитие принципа относительности, сформулированного еще Галилеем, была направлена на преодоление противоречий, внутренне присущих классической картине мира, при сохранении ее мировоззренческой основы.⁶⁹ Поэтому новую, постклассическую парадигму в физике правильнее было бы называть «боровской», связывая ее появление с открытием квантовой механики Н. Бором.

Развитие теории относительности и квантовой механики повлекло за собой кардинальный пересмотр фундаментальных философских постулатов, на которых основывалась классическая картина мира.⁷⁰ Прежде всего это касается представления об абсолютной, статичной во времени и пространстве, Вселенной, данной субъекту в качестве объективной, не зависящей от его сознания реальности и подчиненной действию столь же объективных законов. Изучение элементарных частиц с позиций квантовой механики и открытые явления, не укладывающихся в рамки классической парадигмы, заставили по-новому взглянуть на природу и структуру реальности. В результате на основе ряда теоретических положений (прежде всего таких, как принцип неопределенности В. Гейзенберга и уравнение Э. Шредингера)⁷¹ была сформулирована так называемая «копенгагенская

⁶⁷ Teubner G. Evolution of Autopoietic Law // Autopoietic Law — a New Approach to Law and Society / ed. G. Teubner. Berlin; New York, 1987. P. 217–244.

⁶⁸ История теоретической социологии. От Платона до Канта. С. 11.

⁶⁹ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов // Эйнштейн А. Работы по теории относительности. М., 2008. С. 256–259.

⁷⁰ Подчеркнем, что речь идет о пересмотре именно философско-методологических оснований классической картины мира, а не об отказе от тех или иных классических теорий, например, небесной механики И. Ньютона, как иногда без достаточных на то причин полагают (см., напр.: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 23–26). Указанные теории, как хорошо известно, не только не опровергались, но и вошли в постклассическое естествознание в качестве его частного приложения. Но ведь точно так же, например, и замена геоцентрической модели мира гелиоцентрической не привела к абсолютному и безоговорочному отказу от «геоцентрической метафоры» в тех случаях, когда она хорошо работает при описании отдельных кинематических процессов. В самом деле, использование Земли в качестве инерциальной системы отсчета косвенным образом отсылает к геоцентризму, однако это ни в какой мере не означает принятия аристотелевско-птолемеевских представлений о мироустройстве (*Элементарный учебник физики* / под ред. Г. С. Ландсберга. М., 1985. С. 79–80).

⁷¹ Мандельштам Л. И., Тамм И. Е. Соотношение неопределенности энергия-время в нерелятивистской квантовой механике // Известия АН СССР. 1945. Т. 9. С. 122–128; Шредингер Э. Избранные труды по квантовой механике. М., 1976. С. 10, 118.

интерпретация» квантовой механики. Один из важнейших выводов, сделанных в контексте этой интерпретации, заключается в том, что поведение элементарных частиц, из которых состоят макроскопические объекты, с самого начала характеризуется высокой степенью стохастичности, в силу чего его невозможно отделить от измерений, производимых наблюдателем.⁷²

Таким образом, появилась возможность рассматривать человеческое сознание не в качестве простого созерцателя, пассивно регистрирующего происходящие в природе процессы, а как их активного участника, выступающего необходимой онтологической предпосылкой и условием определенности этих процессов.⁷³ Эти выводы хорошо согласовывались с идеями, высказанными в трудах Дж. Беркли, Д. Юма, Э. Маха, Б. Рассела, Э. Гуссерля и др.⁷⁴ Критикуя объективизм, присущий классической теории познания, представители данной философской традиции рассматривали в качестве единственной достоверной реальности (как в онтологическом, так и в гносеологическом планах), доступной для восприятия, субъекта, его сознание и опыт, на основе которого конструируется внешний мир во всем своем многообразии.

Однако если природа в рамках постклассической парадигмы приобрела человеческое измерение, то тем более оправданным и необходимым подобный мировоззренческий переворот сделался применительно к реальности социальной и правовой, включающей в себя человека в качестве необходимой составляющей. К середине минувшего столетия полностью доказало свою несостоятельность представление об обществе как некоем надындивидуальном целом, своего рода «второй природе». По мнению сторонников постклассической парадигмы в социологии, общество имеет процессуальную природу,⁷⁵ представляя собой сложную и динамичную конфигурацию взаимоотношений между индивидами или, иными словами, «нестабильный и, вероятнее всего, несогласованный результат социальных отношений и социальных конфликтов».⁷⁶ Социальную реальность, следовательно, нельзя считать объективной, она, как показали исследования А. Шюца, *интерсубъективна* и непрерывно создается индивидами в процессе коммуникативных взаимодействий.⁷⁷ Общество же как целое,

⁷² Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 60.

⁷³ См. подробнее: *Wigner E. P. Remarks on the Mind-Body Question // The Scientist Speculation / ed. I. J. Good. London, 1961; Wheeler J. A., Zurek W. H. Quantum Theory and Measurement. Princeton, 1983; Wheeler J. A. Information, Physics, Quantum: The Search for Links // Complexity, Entropy and the Physics of Information / ed. W. H. Zurek. Redwood City (Calif.), 1990; Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 418 и сл.*

⁷⁴ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 152–247; Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 87–390; Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999; Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009; и др.

⁷⁵ См., напр.: *Etzioni A. The Active Society. New York, 1968. P. VIII; Giddens A. Central Problem of Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London, 1979. P. 3.*

⁷⁶ *Touraine A. Social Movement and Social Change // The Challenge of Social Change / ed. O. F. Borda. London, 1985. P. 85.*

⁷⁷ Об интерсубъективности как свойстве социальной реальности см. подробнее: *Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии / под ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. С. 55 и сл.; Шюц А. Теория интерсубъективности*

а также все его институты представляют собою *конструкции*, закрепляемые в различных знаковых системах, к числу которых следует, как показал А. В. Поляков, относить и нормативные системы, включая право.⁷⁸

Как следствие, происходит отказ от характерных для классического эволюционизма представлений о непреложных законах социального развития, строго детерминирующих человеческую историю на всех ее этапах, и о строго линейном, однонаправленном процессе социальной эволюции.⁷⁹ История превращается в процесс заранее неопределенный, имеющий вероятностный характер и зависящий от социальных взаимодействий своих агентов. Вот почему историческое развитие — от отдельных обществ до всего человечества в целом — *потенциально* имеет множество вариантов и альтернатив, а переход на каждую новую ступень этого развития представляет собой выбор одного из этих вариантов, совершаемый в условиях неопределенности.⁸⁰ Так называемые «законы истории», следовательно, являются вторичным и во многом побочным продуктом деятельности субъектов исторического процесса. Подобно любым иным законам (в том числе и законам природы), они не существуют в виде атрибута некоей объективной реальности, а создаются задним числом, как результат теоретического осмысления социально-исторического опыта. «В общественных науках, — писал Э. Гидденс, — нет и не будет универсальных законов... в связи с тем, что... причинная обусловленность, включенная в процесс формулировки общих законов социального поведения людей, в основе своей изменчива и нестабильна с точки зрения осведомленности (или убежденности) акторов относительно обстоятельств собственной деятельности... Теории и открытия, сделанные в рамках общественных наук, не могут находиться в полной изоляции от мира значений и действий, которые они описывают».⁸¹

Иными словами, социологи, действующие в рамках постклассической парадигмы в общественных науках, пришли к тому же выводу, к которому несколько ранее пришли физики. Суть его состоит в том, что законы (будь то природные или социальные) не описывают реальность, но *создают* ее, являясь инструментом организации и осмысления данных опыта, из которых эта реальность конструируется. Осознание указанного обстоятельства помогает, как представляется, сделать важный прорыв в социально-гуманитарном познании, перейдя от попыток сформулировать универсальные законы социальной реальности к изучению того опыта, который лежит в ее основе. Таким образом, формирование постклассической парадигмы в социогуманитарных дисциплинах приводит к кардинальному изменению критериев научности, что, в свою очередь, повлекло за собой новый рост научного знания. А поскольку теория права имеет дело с социальной

Шелера и всеобщий тезис альтер эго // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 215 и сл.

⁷⁸ Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.

⁷⁹ См., в частности: *Popper K. The Poverty of Historicism*. New York, 1964; *Nisbet R. Social Changes and History: Aspects of the Western Theory of Development*. New York, 1969; *Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York, 1984; *Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge, 1991; и др.

⁸⁰ См. подробнее: *Разубаев Н. В. Социокультурная эволюция и историческое развитие права: некоторые дискуссионные вопросы // Российский ежегодник теории права*. № 3. 2010. С. 81–108.

⁸¹ Гидденс Э. Устроение общества. 2-е изд. М., 2005. С. 30–31.

реальностью в одном из ее важных измерений, было бы логично ожидать, что этот переворот отразится и на ней. Приходится, однако, констатировать, что становление постклассической теории права далеко от своего завершения. Отсутствие же необходимого философско-методологического фундамента правовых исследований, соответствующего современному уровню развития научных знаний, выступает, на наш взгляд, одной из причин того кризиса, который переживает теория права в нашей стране.

Вместе с тем в настоящее время активно предпринимаются попытки преодоления постигнутого теорией кризиса. Наибольшей разработанностью, полнотой и всесторонним характером обладает коммуникативная теория права А. В. Полякова, опирающаяся на постклассические философско-методологические основания.⁸² Даже беглое знакомство с основными идеями, высказанными исследователем, неоспоримо свидетельствует об их принципиальной оригинальности, новизне и даже революционности для российского правоведения. В центре внимания А. В. Полякова находится коммуникация как конституирующее свойство правовой реальности, однако коммуникацию, по мысли ученого, не следует понимать просто как обмен информацией.⁸³ Коммуникация вообще и правовая коммуникация в частности есть сложный процесс социального взаимодействия членов общества, направленный в идеале на достижение взаимопонимания и консенсуса и в этом смысле включающий в себя ценностно-нормативное измерение.

«Право, — пишет А. В. Поляков, — как практическая система действия основано на взаимопонимании, без которого его существование невозможно. Ведь права нет там, где отсутствует взаимосоотнесенное поведение. Поэтому нет права без информации, структурируемой источником права и адресуемой субъектам правовой коммуникации. Но условием правовой коммуникации является не столько содержание информации и даже не столько ее прескриптивная форма, сколько убеждающая сила, без которой невозможна сама правовая коммуникация как практическое взаимодействие».⁸⁴ Таким образом, право как коммуникативный процесс является, по мнению автора, важным средством достижения общественного согласия, и основной его целью выступает минимизация тех противоречий, которые, разумеется, неотъемлемо присущи всякому обществу. Однако без правовых (а также иных коммуникативных) механизмов, обеспечивающих взаимопонимание членов общества, такие противоречия становятся непреодолимыми и губительными для общества и, что самое главное, для его членов.

Иными словами, право не навязывается индивидам извне, в качестве некой не зависящей от них внешней силы, а создается ими самими. Поэтому важнейшей характеристикой права, по мнению А. В. Полякова, следует считать не *принудительность*, а *убедительность*, обеспечиваемую выполняемой правом смылосозидающей функцией. Высказанные соображения позволяют по-новому взглянуть и на правовую нормативность, относящуюся

⁸² См., в частности: Поляков А. В. 1) Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; 2) Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43; 3) Правовая нормативность: многообразие смыслов // Там же. 2011. № 5. С. 4–7; 4) Современная теория права: ответ критикам // Там же. № 6. С. 6–39; 5) Юридическая догма и теория коммуникации // Там же. 2012. № 3. С. 6–10; 6) Право: между прошлым и будущим // Там же. 2013. № 3. С. 6–10.

⁸³ Поляков А. В. Прощание с классикой... С. 14–15.

⁸⁴ Там же. С. 17.

ся, по мнению многих теоретиков, к сущностным характеристикам права.⁸⁵ Как полагает А. В. Поляков, «норму права не следует отождествлять с правовым текстом. Правовой текст как знаковая система дает возможность интерпретирующему этот текст субъекту понять смысл того правила, которое должно стать нормой. Правовая норма — это норма поведения, и нормой правовой коммуникации может стать только такое правило, которое реализуется в поведении субъектов как их права и обязанности. Знаки текста материальны и существуют независимо от субъекта. Норма ментальна и интересубъективна. Текст закона, не реализуемый в поведении, позволяет конституировать лишь виртуальную норму, но не норму права в коммуникативном понимании».⁸⁶

Все сказанное свидетельствует об ограниченности традиционных (классических) типов правопонимания, акцентирующих основное внимание на отдельных сторонах, свойствах и признаках права в ущерб его восприятию как целостности, творимой членами общества в процессе интересубъективной коммуникации. Нельзя не согласиться с мнением, согласно которому право, «понятое как коммуникация, не нуждается в подпорке из позитивистских или естественно-правовых схем. Идея коммуникации в этом смысле самодостаточна. В ее основе лежит представление о необходимости Другого как соучастника творения правовой реальности при одновременной “заданности” такой реальности “объективными” правовыми текстами».⁸⁷ В связи с этим хотелось бы заметить, что концепция А. В. Полякова не только способствует преодолению переживаемого теорией права кризиса, но и открывает широкие перспективы для дальнейшего развития юридической науки.

---

⁸⁵ См., напр.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 51–58.

⁸⁶ *Поляков А. В.* Прощание с классикой... С. 19.

⁸⁷ Там же. С. 21.